

ЛУЧШАЯ ФАНТАСТИКА О КОСМОСЕ

АРТУР
КЛАРК

2001:
КОСМИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ

The Best of Sci-Fi Classics

Артур Чарльз Кларк

2001. Космическая Одиссея

«ЭКСМО»

1968

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Кларк А.

2001. Космическая Одиссея / А. Кларк — «Эксмо», 1968 — (The Best of Sci-Fi Classics)

ISBN 978-5-699-92311-3

В 1999 году на Луне был найден некий объект, посылающий мощный сигнал в космос. Ученым удалось выяснить, что сигнал направлен в сторону Япета, одного из спутников Сатурна. Именно туда через пару лет отправляется межпланетный корабль «Дискавери»... «2001: Космическая Одиссея» — культовый НФ-роман, опередивший свое время!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-92311-3

© Кларк А., 1968
© Эксмо, 1968

Содержание

Отложенное будущее	6
2001: Космическая Одиссея	9
Часть I. В первобытной мгле	9
Глава 1. Вымирающие	9
Глава 2. Новый камень	11
Глава 3. Академия	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Артур Кларк

2001: Космическая Одиссея

Arthur C. Clarke: 2001: A SPACE ODYSSEY

Copyright © Arthur C. Clarke and Polaris Productions, Inc., 1968.

© Я. Берлин, Н. Галь, перевод на русский язык, 2016

© А. Рух, вступительная статья, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Отложенное будущее

Какая-то особенная грусть возникает при чтении старой фантастики – той, из романтических шестидесятых, полных надежд от скорых космических прорывов и ужаса возможной ядерной катастрофы. Что ж, надежды остались надеждами – но ведь и ужасы не сбылись. А всё же до чего обидно встречать в книгах той поры уже минувшие даты – 1999, 2000, 2001... – и чувствовать странную неловкость перед теми, кто верил. В полёты к звёздам, в пассажирские рейсы к иным планетам, во множество обитаемых баз по всей Солнечной системе – во всё то, что так и осталось фантазией.

Впрочем, для большинства авторов той поры пресловутый «двухтысячный год» был некой абстрактной датой, порождённой магией круглых чисел, – что-то из той же оперы, что и обещание построить к этому сроку коммунизм, сделанное на самом высоком государственном уровне в Советском Союзе. Но ведь верилось же! Казалось, ещё немного усилий – и то самое светлое будущее, которое каждый представлял себе по-разному, в зависимости от воспитания и фантазии, обязательно наступит.

И мало кто описал ближайшее будущее человечества столь же привлекательно, как сэр Артур Чарльз Кларк. А говоря о «будущем по Кларку», мы неизбежно говорим о мире «Космической Одиссеи».

Всё же есть величайшая несправедливость в том, что на обложке, возможно, величайшего из научно-фантастических романов в истории не стоит ещё и имя Стенли Кубрика. А ведь вклад гениального кинорежиссёра невозможно переоценить: даже оригинальное название – «2001: A Space Odyssey» – было придумано именно Кубриком. Однако, обо всём по порядку.

История «Космической Одиссеи» началась в 1964 году, когда Кубрик всерьёз задумался о создании фильма на модном в ту пору научно-фантастическом материале. Не считая себя достаточно компетентным в вопросе, он принял решение подыскать себе соавтора – кого-нибудь из современных ему писателей, пишущих о космических полётах и внеземной жизни. Так получилось, что выбор режиссёра пал на Артура Кларка, к тому времени уже безусловного авторитета и корифея. Тот отнёсся к предложению с «ужасной заинтересованностью» и немедленно прислал несколько своих рассказов, из которых один – «Часовой»¹ – показался Кубрику многообещающим. Это была история о найденном на Луне таинственном артефакте, создать который не могли ни природа, ни люди, зримом и осязаемом доказательстве существования иного разума. Именно от этого лунного артефакта из раннего рассказа Кларка и ведут свою родословную загадочные Монолиты, вокруг которых строится сюжетная канва «Одиссеи».

Совместная работа над сценарием будущего фильма заняла у Кларка и Кубрика более двух лет. Для всевозможнейших консультаций была привлечена масса специалистов, включая такого выдающегося учёного и популяризатора науки, как Карл Саган. Кроме того, для завязки повествования был использован ещё один ранний рассказ Кларка – «Встреча на заре истории», сюжетом которого стал момент инспирации человеческой цивилизации представителями иного разума. Впоследствии он ляжет в основу первой части романа – «В первобытной мгле».

Параллельно со сценарием и на его основе Кларк работал и над литературной версией – фактически новеллизацией «Космической Одиссеи», – так что роман вышел непосредственно сразу после премьеры. Эта парадоксальность – первичность кинематографической основы перед собственно литературной составляющей – вполне ощутима в тексте, несмотря на все различия. Пожалуй, остаётся лишь пожалеть, что возможности кинематографа во времена Кубрика были не столь безграничны по части создания всевозможнейших спецэффектов, чтобы воплотить на экране все находки авторов – например, пролёт Дэвида Боумена сквозь Монолит

¹ Другой вариант перевода на русский язык – «Страж».

на Япете и его последующие приключения в Дальнем космосе. Между прочим, следующий роман серии – «2010: Одиссея два» – фактически является продолжением не книги, а именно фильма. Кажется, уникальный случай в истории литературы.

Основная фабула «Космической Одиссеи» – влияние на судьбу человечества некой сверхцивилизации², деятельность которой во время оно и привела к его возникновению. Любопытно, что этот мотив в 50-60-е годы стал довольно распространён в научной фантастике всего мира, достаточно вспомнить братьев Стругацких, примерно в те же годы придумавших своих Странников, или Андре Нортон с её Предтечами.

В реальности, описанной Кларком (а вернее, Кларком и Кубриком), роль Первородных отнюдь не исчерпывается работами по форсированию разума примитивных гоминидов, ведь земное человечество – лишь переходная стадия к неким сущностям высшего порядка, избавленным от материальной оболочки. У тех же Стругацких впоследствии этим следующим эволюционным этапом станут людены («Волны гасят ветер»). У Кларка же единственным персонажем, прошедшим путь от человека до Дитя Звёзд, оказывается капитан Боумен.

Фактически, Первородные, не вмешиваясь в развитие человечества, тем не менее направляют его эволюцию, разместив свои Монолиты на ключевых позициях той траектории, которая завершается запуском механизма лавинообразных преобразований. Любопытно, что все четыре пройденных в «Космической Одиссее» Монолита функционально различны. Первый, размещённый в Африке, форсировал развитие одной из триб человекообразных во главе со Смотрящим на Луну, дав им зачатки разума и навыки владения простейшими инструментами. Второй, лунный, стал доказательством существования инопланетного разума и указал направление дальнейшего поиска. Третий, на спутнике Сатурна Япете, оказался вратами в иной мир. И, наконец, четвёртый Монолит в загадочном Отеле, сокрытом в недрах звезды, произвёл трансформацию человека в сверхсущество.

Не менее любопытно и то, что время, необходимое для достижения следующего Монолита, стремительно сокращается: если между появлением африканского и находкой лунного Монолитов прошло более двух миллионов лет, то на подготовку к полёту «Дискавери» и его путь на Япет ушло всего два года. Наконец, приключения Боумена между проходом сквозь Монолит Япета и финальной метаморфозой заняли примерно сутки. Блестящая иллюстрация тезиса об ускорении прогресса и грядущей сингулярности!

Говоря о «Космической Одиссее», нельзя не упомянуть и центральный конфликт романа: противостояние человека и компьютера, ЭАЛ-9000 и Дэвида Боумена. Это одно из первых в фантастике описаний борьбы человека с враждебным искусственным интеллектом, пресловутый «бунт машины» (при этом, разумеется, идея такого конфликта появляется уже в «R.U.R.» Чапека вместе с самим понятием «робот»).

Между прочим, хотя «три закона робототехники» Азимова, сформулированные за четверть века до создания «Одиссеи», не были использованы при проектировании ЭАЛ-9000, описанная Кларком коллизия во многом напоминает азимовский же рассказ «Лжец!» из сборника «Я, робот», пусть и вывернутый наизнанку. В обоих случаях речь идёт о незадокументированной способности машины ко лжи. Но если у Азимова ложь робота РБ-34 является прямым следствием исполнения Первого закона, не допускающего причинения людям вреда, то основным приоритетом ЭАЛ-9000 остаётся сохранение тайны миссии «Дискавери», ради которой он готов не только лгать, но и убивать. Кроме того, искусственный интеллект Кларка обладает широким спектром эмоций, включая и страх смерти. Его монолог, полный отчаяния перед грядущим небытием, во время которого Боумен производит уничтожение личности компьютера, по силе драматизма куда превосходит сцены гибели четырёх астронавтов.

² В романе «3001: Последняя Одиссея» у неё появляется имя: Первородные (Firstborns), хотя чаще используется название «Создатели Монолитов».

Отдельно стоит упомянуть, что Кларк – не только выдающийся фантаст, но и незаурядный учёный и футуролог. Геостационарную орбиту, на которой вращаются все спутники связи, недаром называют «орбитой Кларка», ведь такой вариант их размещения впервые был предложен им ещё в 1945 году, когда писателю было всего двадцать восемь лет. По количеству сбывшихся предсказаний Кларк, пожалуй, самый результативный среди коллег по цеху: ведь его прогнозы опирались не только на фантазию, но и на глубокое понимание современной ему науки.

А уж «Космическая Одиссея» – просто кладёзь сбывшихся пророчеств. Да, постоянные лунные базы не были созданы ни к 2001, ни к 2016 году, так и оставшись дорогостоящими и малоцелесообразными проектами. Да, космические отели по-прежнему существуют лишь на бумаге. Да, состояние анабиоза по-прежнему фантастика, как и требующие его использования многомесячные перелёты за пояс астероидов – хочется верить, что лишь пока.

Однако именно Кларк в «Космической Одиссее» предположил возникновение ряда вещей, сегодня ставших неотъемлемой частью нашей жизни, – от электронных «читалок» до смартфонов. Показательно, что во время нашумевшего судебного процесса 2011 года между Apple и Samsung последняя апеллировала именно к фильму Кубрика и роману Кларка, доказывая, что идея устройства, аналогичного планшетному компьютеру, была выдвинута задолго до появления соответствующей продукции американской фирмы. Не зря один из персонажей романа, профессор Хейвуд Флойд, был уверен, что «невозможно представить себе систему, более совершенную и удобную», чем его «newspad».

Помимо разнообразных гаджетов, в романе сделан и ряд сугубо научных прогнозов – например, о бомбардировке небесных тел с целью изучения их состава или возврат на Землю первой ступени космического аппарата для её повторного использования. Нынче это уже стало реальностью.

Ну и последнее, хотя и не менее важное. В созданном в самый разгар холодной войны романе американские и советские («русские») учёные активно сотрудничают во внеземном пространстве, в то время как политики с обеих сторон океана продолжают толкать мир к катастрофе. Ведь помимо всего прочего, несмотря на всю привлекательность описываемого будущего, о котором говорилось вначале, «Космическая Одиссея» – ещё и антивоенная книга, в последних строках которой обретший всемогущество Боумен уничтожает орбитальные ядерные арсеналы, уже готовые опуститься на беззащитную Землю.

Очень бы хотелось, чтобы вот это, конкретное предсказание не сбылось: вдруг да не окажется над нами Звёздного ребёнка, исполненного желания всех спасти?

Аркадий Рух

2001: Космическая Одиссея

Часть I. В первобытной мгле

Глава 1. Вымирающие

Засуха продолжалась десять миллионов лет, и царству ужасных ящеров уже давно пришел конец. Здесь, близ экватора, на материке, который позднее назовут Африкой, с новой яростью вспыхнула борьба за существование, и еще не ясно было, кто выйдет из нее победителем. На этой бесплодной, иссушенной зноем земле благоденствовать или хотя бы просто выжить могли только маленькие, или ловкие, или свирепые.

Питекантропы, обитавшие в первобытном вельде, не обладали ни одним из этих свойств; поэтому они отнюдь не благоденствовали, а были, напротив, весьма близки к полному вымиранию. Около полусотни этих существ ютилось в нескольких пещерах на склоне сожженной солнцем долины; по дну ее протекал слабенький ручеек, питаемый снегами с гор, лежавших в трехстах километрах к северу. В особо засушливые годы ручеек исчезал совсем и племя сильно страдало от жажды.

Питекантропы всегда голодали, а сейчас попросту умирали от голода. Когда первый слабый проблеск рассвета проник в пещеру, Смотрящий на Луну увидел, что его отец ночью умер. Собственно, он не знал, что Старик был его отцом, – такая связь одного существа с другим была совершенно недоступна его пониманию, но, глядя на иссохшее тело умершего, он ощутил смутное беспокойство – зародыш будущей человеческой скорби.

Два детеныша уже скулили, требуя еды, но смолкли, когда Смотрящий на Луну заворчал на них. Одна из матерей сердито огрызнулась в ответ, защищая дитя, которое не могла накормить вдосталь, но у Смотрящего не хватило сил дать самке подзатыльник за ее дерзость.

Снаружи уже почти совсем рассвело, и можно было выходить. Смотрящий на Луну подхватил иссохший труп и поволок за собой, пригибаясь, чтобы не задеть за скалу, низко нависшую над входом в пещеру. Выйдя из пещеры, он закинул труп на плечи и выпрямился во весь рост, стоя на задних конечностях, – из всех животных на этой планете только он и его сородичи умели так ходить.

Среди подобных себе Смотрящий на Луну казался чуть ли не великаном. Ростом он был почти полтора метра, а весил более сорока пяти килограммов, хотя и был сильно истощен. Его волосатое, мускулистое тело было наполовину обезьяньим, наполовину человеческим, но формой головы он уже больше походил на человека. Лоб у него был низкий, крутые надбровные дуги резко выступали, но гены его уже несомненно несли в себе первые признаки человеческого облика. Он стоял у пещеры, оглядывая раскинувшийся вокруг враждебный мир плейстоцена, и в его взгляде уже было нечто такое, на что не была способна ни одна обезьяна. В этих темных, глубоко посаженных глазах мерцало пробуждающееся сознание – первые ростки разума, который не раскроется до конца еще многие века, а может быть, вскоре и вовсе угаснет навсегда.

Признаков опасности не было, и Смотрящий на Луну начал спускаться по крутому, почти отвесному склону от пещеры; ноша на плечах ничуть не мешала ему. Остальные члены стаи, словно ожидавшие сигнала вожака, мигом повывлезали из своих пещер, расположенных ниже по склону, и заторопились вниз, к мутным водам ручья, на утренний водопой.

Смотрящий на Луну глянул на противоположный берег ручья – не видно ли Других. Но те не показывались. Наверно, еще не вышли из своих пещер, а может, уже пасутся внизу, под

горой... Поскольку их нигде не было видно, Смотрящий тут же забыл о них – он не умел думать о нескольких вещах сразу.

Прежде всего надо избавиться от Старика. Этим летом было много смертей, в том числе одна в его пещере. Ему нужно было только положить тело там, где он недавно оставил трупик новорожденного младенца, остальное сделают гиены.

Они уже ждали его там, где долина расширялась, сливаясь с саванной, будто знали, что он придет. Он положил тело Старика под куст – от прежних не осталось даже костей – и поспешил назад, к своей стае. Никогда более он не вспоминал об отце.

Две его самки, взрослые обитатели других пещер, подростки и дети паслись выше по долине меж узловатых, изуродованных засухой деревьев, поедая ягоды, сочные корни и листья и редкие счастливые находки вроде мелких ящериц и грызунов. Только грудные младенцы и слабейшие из стариков и старух оставались в пещерах; если к концу дня, после того как все наедались, удавалось собрать еще немного пищи, можно было покормить и их. Если нет – гиенам вскоре предстояло новое пиршество.

Но этот день был удачным. Впрочем, Смотрящий на Луну не был способен сколько-нибудь отчетливо помнить о прошлом и потому не мог сравнивать один день с другим. Сегодня он нашел в дупле засохшего дерева пчелиное гнездо и наслаждался изысканнейшим лакомством, какое только было известно его сородичам; под вечер, ведя свою стаю домой, он все еще время от времени облизывал пальцы. Правда, его порядком покусали пчелы, но он почти не ощущал укусов. Короче, он был, как никогда, близок к состоянию полного довольства, насколько оно вообще было для него доступно; он, конечно, еще был голоден, но уже не испытывал слабости. На большее не мог надеяться ни один питекантроп.

Ощущение довольства исчезло, когда он подошел к ручью. На противоположном берегу были Другие. Они бывали там каждый день, но от этого его досада отнюдь не становилась меньше.

Их было около тридцати, и они ничем не отличались от сородичей Смотрящего. Завидев его, они начали на своем берегу подпрыгивать, махать руками и кричать. Стая Смотрящего на Луну отвечала тем же с другого берега.

На том все и закончилось. Питекантропы часто дрались и боролись, но драки их редко приводили к серьезным увечьям. У них не было ни когтей, ни могучих боевых клыков, а тело надежно защищал волосяной покров, поэтому они просто не могли причинить друг другу особого вреда. К тому же у них не было и лишней энергии для столь бесполезных выходов. Рычанием и угрозами можно было куда успешнее утвердить свою точку зрения.

Перебранка продолжалась минут пять, а затем оборвалась так же внезапно, как началась, и все принялись пить мутную от глины воду. Честь была удовлетворена, каждая стая утвердила право на владение своей территорией. Покончив с этим важным делом, Смотрящий на Луну и его сородичи отправились дальше, вдоль своего берега. До ближайшего пастбища, где еще можно было кормиться, от пещер было километра два. Здесь же паслись крупные рогатые животные, встретившие их не особенно благосклонно. Прогнать этих животных, увы, было нельзя – на головах у них торчали устрашающие рога-кинжалы, питекантропы же таким природным оружием не обладали.

И вот Смотрящий на Луну со своей стаей жевали ягоды, корни и листья, подавляя голодные спазмы в желудках, а вокруг, тесня их с этих пастбищ, разгуливали животные – возможный источник пищи, который им никогда не исчерпать. Но тысячи тонн сочного мяса, гуляющие по саванне и в зарослях, были не только недосыгаемы для питекантропов – такую возможность они просто вообразить не могли. И посреди этого изобилия медленно умирали от истощения.

К закату стая без особых приключений вернулась в свои пещеры. Раненая самка, оставшаяся дома, радостно заворковала, когда Смотрящий кинул ей густо покрытую ягодами ветку, которую принес с собой, и принялась жадно есть. Как ни малопитательны эти ягоды,

они все же помогут ей продержаться, пока заживет рана, нанесенная леопардом, и она сможет снова сама добывать себе пищу.

За долиной всходила полная луна, с дальних гор потянул леденящий ветер. Ночь сегодня будет очень холодной. Впрочем, холод, как и голод, мало заботил питекантропов – другой жизни они никогда и не знали.

От одной из нижних пещер донеслись вопли и визг, но Смотрящий на Луну даже не шевельнулся; он отлично понял, что там происходит, даже если бы не услышал рычания леопарда. Там, внизу, в ночной тьме, борются и гибнут старик Белоголовый и его семья. У Смотрящего даже не мелькнуло мысли, что он может как-либо помочь соседям. Жестокая логика борьбы за существование не допускала подобных фантазий, и обитатели косогора, хоть все слышали, ни единым возгласом не выразили протеста против убийства сородичей. Все затаились в своих пещерах, чтобы не навлечь беду на себя.

Наконец вопли стихли, и тут Смотрящий на Луну услышал знакомые звуки – это леопард волок чье-то тело по камням. Через несколько секунд смолкли и эти звуки – леопард покрепче ухватил свою добычу зубами и, без труда неся ее в пасти, бесшумно удалился.

Теперь на день-другой эта угроза отодвинулась от обитателей пещер, но при свете холодного маленького солнца, которое появлялось на небе только ночами, на них могли напасть и другие враги. Правда, мелких хищников иногда удавалось отогнать криками и визгом, если их приближение замечали вовремя... Смотрящий на Луну выполз из пещеры, взобрался на обломок скалы, лежащий у входа, и, присев на корточки, стал осматривать долину.

Из всех живых существ, обитавших на Земле, питекантропы первыми подняли головы к небу и начали разглядывать луну. Смотрящий на Луну, когда он был совсем молод, иногда пробовал дотянуться до этого призрачного лика, всплывающего над равниной. Он давно об этом забыл.

Дотронуться до луны ему не удалось ни разу. Теперь, уже в зрелом возрасте, он хорошо понимал, почему у него ничего не выходило. Конечно же, для этого надо сначала найти достаточно высокое дерево и влезть на него.

Он то оглядывал долину, то смотрел на луну, не переставая прислушиваться. Раза два он засыпал, но сон его был настолько чуток, что даже слабейший звук мгновенно будил его. Он прожил уже двадцать пять лет – солидный возраст! – но был еще в расцвете сил. Если ему и дальше повезет и он сумеет избежать несчастных случаев – болезней, зубов хищников и голодной смерти, – то, пожалуй, проживет еще с десятков лет.

Ночь, холодная и ясная, текла спокойно, без тревог, луна медленно плыла по небу среди экваториальных созвездий, которых никогда не увидит глаз человека. В пещерах, в чередовании минут беспокойной дремоты и боязливого бодрствования, рождались смутные образы – потом, грядущим поколениям они будут являться в ночных кошмарах.

Дважды в эту ночь небосвод пересекла, медленно поднимаясь к зениту и исчезая на востоке, ослепительно светящаяся точка, которая сверкала ярче любой звезды.

Глава 2. Новый камень

Незадолго до рассвета Смотрящий на Луну внезапно проснулся. Он очень устал от дневных трудов и бед и спал крепче обычного, но все же при первом слабом шорохе, донесшемся снизу, из долины, мгновенно пробудился.

Он присел в зловонной мгле пещеры, всем своим существом вслушиваясь в ночной мир, лежащий снаружи, и в сердце его медленно заполз страх. Ни разу в жизни – а прожил он уже вдвое дольше, чем большинство его сородичей, – он не слышал такого звука. Большие кошки подкрадывались бесшумно, только случайный шорох скатившегося из-под лапы комочка земли да треск ветки изредка их выдавали. Это же был непрерывный хруст, кото-

рый становился все громче. Словно какой-то огромный зверь шел там внизу, в ночи, не таясь и ломая все препятствия. Однажды Смотрящий безошибочно угадал по звуку, что в долине вырывают с корнем кустарник. Так часто делали слоны и динотерии, но вообще-то они передвигались так же бесшумно, как и кошки.

А потом раздался звук, который Смотрящий на Луну распознать не мог – по той причине, что прозвучал он впервые в истории Земли. Это был лязг металла о камень.

Впервые Смотрящий на Луну увидел Новый Камень в слабом свете нарождающегося дня, когда повел свою стаю на утренний водопой. Он почти забыл о всех ночных страхах – ведь после того необычайного звука ничего не случилось, – и потому новый странный предмет не вызвал у него ни страха, ни ощущения опасности. Да в нем и не было ничего страшного.

Это была прямоугольная глыба раза в три выше Смотрящего, но узкая настолько, что, разведя руки, он мог коснуться ее краев, и состояла она из какого-то совершенно прозрачного вещества. Собственно говоря, ее не так-то просто было и увидеть, если бы восходящее солнце не отражалось в ее гранях. Смотрящий на Луну никогда не видел ни льда, ни даже чистой, прозрачной воды, и ему не с чем было сравнить этот предмет. Но он был, право же, красив, и, хотя Смотрящий благоразумно остерегался всего нового, он без долгих колебаний приблизился бочком к Новому Камню. Убедившись, что с ним ничего не случилось, он протянул руку и ощутил холодную твердую поверхность.

Несколько минут он напряженно размышлял и нашел блестящее объяснение. Конечно же, это камень; наверно, он вырос здесь за ночь. На Земле многое так появляется. Например, белые мягкие штуки, с виду похожие на речные голыши, тоже выскакивают из земли за время темноты. Правда, те штуки круглые и маленькие, а этот камень большой и граненый... Но ведь философы, более мудрые, чем Смотрящий на Луну, и пришедшие в мир позднее его, также готовы пренебречь фактами, не менее разительно противоречащими их теориям.

Применив эту поистине первоклассную методику абстрактного мышления, Смотрящий на Луну за какие-нибудь три-четыре минуты пришел к определенному выводу и немедленно подверг его проверке. Белые круглые мягкие «голыши» очень вкусны (правда, от некоторых можно сильно заболеть). Может быть, и этот, большой, тоже?..

Он несколько раз лизнул камень, попытался куснуть его и быстро разочаровался. Еды тут не было никакой – и Смотрящий, как и подобало рассудительному питекантропу, продолжил свой путь к реке и, занявшись очередной перебранкой с Другими, начисто позабыл о кристаллическом монолите.

На ближних пастбищах в этот день есть было совсем нечего, и, чтобы немного подкормиться, стае пришлось уйти километров за шесть-восемь от пещер. В час беспощадного полуденного зноя, от которого нигде было укрыться, одна из самок послабее упала в обморок. Остальные окружили ее, постояли, сочувственно бормоча и щебеча, но помочь ей никто не мог. Будь они менее истощены, они, пожалуй, унесли бы ее с собой, но у них просто не было избытка энергии для таких добрых дел. Волей-неволей ее оставили одну – пусть сама попробует выжить, если сумеет.

Когда вечером, на обратном пути, они прошли мимо этого места, там не осталось даже костей.

При слабом свете гаснущего дня, боязливо озираясь, чтобы не пасть жертвой хищников, рано вышедших на охоту, они торопливо напились воды из ручья и начали подниматься к своим пещерам. До Нового Камня было еще довольно далеко, когда до них донесся звук.

Звук этот был едва слышен, но он мгновенно остановил питекантропов, и они неподвижно замерли на тропе, словно парализованные, безвольно разинув рты. Этот нехитрый, бесконечно, до одури повторяющийся вибрирующий звук исходил из кристалла и гипнотизировал всех, кто его слышал. В первый и на ближайšie три миллиона лет последний раз в Африке звучал барабанный бой.

Дробь становилась все громче, все настойчивей. Питекантропы начали оцепенело, словно лунатики, продвигаться вперед, притягиваемые источником этого звука. Порой они делали примитивные танцевальные движения – это кровь их откликалась на ритмы, которые их потомкам предстояло создать многие века спустя. Совершенно зачарованные, они сгрудились вокруг монолита, позабыв о всех лишениях прошедшего дня, об опасностях надвигающейся ночи, о голоде, терзающем их желудки.

Все громче звучал барабан, все больше сгущались сумерки. И когда тени стали совсем длинными и небо померкло, кристалл засветился.

Сначала он утратил прозрачность, помутнел, и его глубина наполнилась млечным сиянием. Неясные, дразняще неузнаваемые призраки возникли и начали скользить в его глубине и под самой его поверхностью. Они слились в светлые и темные полосы; переплетаясь и пересекаясь между собой, эти полосы начали вращаться, словно спицы волшебных колес.

Быстрей и быстрей вращались эти светящиеся колеса, и ритм барабанного боя становился все чаще. Питекантропы, окончательно загипнотизированные, разинув рты, устали на невиданную игру света в кристалле. Они уже начисто позабыли веления инстинктов, унаследованных от предков, и уроки своего жизненного опыта. При обычных обстоятельствах никто из них не осмелился бы задержаться так далеко от своей пещеры в столь позднее время – ведь в окружающих зарослях недвижно замерли темные силуэты и светились глаза ночных хищников, которые приостановили охоту, выжидая, чем все это кончится.

Но вот вращающиеся световые колеса начали смыкаться друг с другом, спицы их слились в полосы света, которые медленно отступали в глубину, затем полосы раскололись пополам, образовав пары светящихся линий. Дрожа и колеблясь, эти пары наклонялись и пересекались друг с другом под различными медленно изменяющимися углами. Светящиеся сетки линий сплетались и расплетались, и из них складывались и тут же исчезали фантастические, эфемерные чертежи. А зачарованные пленники светящегося кристалла, питекантропы, все глядели и глядели...

Им и в голову не приходило, что в эти мгновения неведомая сила исследует их умственные способности, определяет формы и размеры их тел, изучает психические реакции, оценивает их скрытые возможности. Некоторое время все они сидели на корточках, застыв словно окаменевшие. Вдруг один питекантроп, сидевший ближе других к кристаллу, зашевелился.

Он не сдвинулся с места, просто его тело освободилось от гипнотического оцепенения, и он задвигался, словно марионетка, управляемая невидимыми нитями. Голова его повернулась направо, потом налево; он молча открыл и закрыл рот, сжал и разжал кулаки. Затем наклонился, схватил длинный стебель и попытался плохо повинующимися пальцами рук завязать его в узел.

Казалось, он одержим какой-то внешней силой и тщетно борется против духа или демона, что завладел его телом. Задышавшись, с выражением ужаса в глазах, он пытался заставить свои пальцы выполнить такие движения, каких ранее не мог и представить.

Как он ни старался, ему удалось всего лишь разорвать стебель на несколько частей. И едва только частички стебля упали на землю, властвовавшая над ним сила оставила его и он вновь застыл в тупой неподвижности.

Теперь ожил и проделал те же движения другой питекантроп. Этот был моложе, легче приспособлялся, и ему удалось сделать то, что оказалось не под силу старшему. На планете Земля был завязан первый неуклюжий узел...

Другие проделали еще более странные, еще более бесполезные движения. Одни протягивали руки вперед и пытались сблизить их так, чтобы концы пальцев соприкоснулись, – сначала они делали это с открытыми глазами, затем зажмурив один глаз. Некоторых непонятная сила заставляла разглядывать странные фигуры из пересекающихся линий, мелькающих внутри кристалла; линии непрерывно делились, их становилось все больше, пока они не слились в

сплошную серую рябь. А в ушах у всех звучали одни и те же чистые одноголосые звуки; начинаясь на высокой ноте, они быстро понижались и обрывались на нижнем пределе слышимости.

Когда подошла очередь Смотрящего на Луну, он почти не испугался. Ощущая, как его мышцы сокращаются и тело движется, повинуюсь приказам, исходящим откуда-то извне, он испытывал в основном смутное чувство злой досады.

Сам не понимая зачем, он наклонился и подобрал небольшой камень. Распрямившись, он увидел, что рисунок внутри кристалла изменился. Сетки и переменчивые, пляшущие геометрические фигуры исчезли, вместо них появился черный диск, опоясанный несколькими концентрическими кругами.

Повинуясь безмолвным приказам, полученным его мозгом, он неуклюже размахнулся и бросил камень. И промахнулся более чем на метр.

Попробуй еще раз – прозвучал приказ в мозгу. Смотрящий поискал вокруг и нашел еще один камешек. На этот раз он попал в монолит, который откликнулся звоном, гулким, точно удар колокола. В цель он, конечно, не попал, но все же показал лучшую меткость.

При четвертой попытке камень ударил всего в нескольких сантиметрах от черной сердцевины мишени. Смотрящий ощутил необыкновенное наслаждение, почти такое же острое, как при сближении с самкой. Потом власть внешней силы ушла; ему ничего не хотелось делать, он просто стоял и ждал, что будет дальше.

Так все в стае, один за другим, испытали на себе воздействие странного кристалла. Некоторые справились со своими задачами, но большинство потерпело неудачу, и все были по заслугам вознаграждены: одни содрогнулись от наслаждения, другие – от боли.

Теперь внутренность огромного монолита только светилась ровным сиянием; он стоял будто глыба света, врезанная в окружающую тьму. Словно пробудившись ото сна, питекантропы тряхнули головами и зашагали по тропе к своему жилью. Они шли, не оглядываясь назад, не дивясь странному светочу, который указывал им путь к их убежищам – и к будущему, пока еще не известному даже звездам.

Глава 3. Академия

Смотрящий на Луну и его сородичи совершенно позабыли все, что видели, как только монолит перестал властвовать над их сознанием и предельвать опыты с их телами. На следующее утро, по дороге на пастбище, они прошли мимо, не обратив на него ни малейшего внимания: он уже стал привычной никчемной частью окружающей среды. Он был несъедобен и не мог съесть их, остальное было не важно.

Внизу, у ручья, Другие, как обычно, выкрикивали свои бессильные угрозы. Их вожак, одноухий питекантроп, ровесник Смотрящего на Луну и одного с ним роста, только более тощий, решился даже на небольшую вылазку в направлении неприятельской территории: он шагал, громко крича и размахивая руками, чтобы утешить врага и подбодрить самого себя. Ручей по всей ширине был ему примерно по колено, но чем дальше Одноухий отходил от своего берега, тем неуверенней он себя чувствовал, тем страшнее становилось ему. Очень скоро он замедлил шаг, потом остановился и наконец с напускной важностью зашагал назад, к своим соплеменникам.

В будничном течении жизни питекантропов больше ничего не изменилось. Стая нашла достаточно пищи, чтобы просуществовать еще один день, и никто не умер.

А вечером кристалл снова ожидал их, светясь пульсирующим светом и привлекая тем же звуком. На этот раз, однако, он применил иную, хитроумно измененную, программу.

Некоторых питекантропов кристалл совсем оставил в покое – он как бы сосредоточил все внимание на тех, кто подавал наибольшие надежды. К их числу принадлежал и Смотрящий на

Луну: он снова почувствовал, будто какие-то пытливые щупальца шарят по дальним закоулкам его мозга. Затем начались видения.

Возможно, эти видения явились ему внутри кристаллического монолита, а может быть, они рождались в его мозгу. Так или иначе, для Смотрящего на Луну все эти образы были вполне реальны. Только почему-то привычный интуитивный порыв – изгнать чужих из своих владений – оказался совершенно усыпленным.

Он увидел мирную семью, совсем такую же, как семьи его сородичей, если не считать одного существенного отличия. Самец, самка и двое детенышей, загадочно привидевшиеся ему, были сыты по горло, гладкие шкуры их лоснились – подобного благоденствия Смотрящий на Луну не мог даже вообразить. Он невольно пощупал свои торчащие ребра – у тех ребра были скрыты в складках жира. Время от времени эти существа, развалившиеся у входа в пещеру и явно довольные жизнью, лениво поворачивались с боку на бок. Здоровенный самец иногда густо и удовлетворенно рыгал.

Так продолжалось минут пять, а потом видение исчезло, лишь мерцающие контуры кристалла светились в темноте. Смотрящий на Луну встряхнулся, словно пробудившись ото сна, внезапно сообразил, где он находится, и повел свою стаю к пещерам.

У него не осталось сознательного воспоминания об увиденном, но этой ночью, когда он, понуро сгорбившись, сидел у входа в пещеру и чутким ухом ловил шумы окружающего мира, он впервые ощутил пока еще слабую щемящую боль от нового властного чувства. То была смутная неопределенная зависть, какая-то неудовлетворенность жизнью. Он понятия не имел, откуда взялось это чувство, а тем более – как его утолить, но недовольство закралось в его душу, и это было уже первым малым шагом к очеловечиванию.

Ночь за ночью Смотрящему на Луну являлась в видении эта четверка раскормленных питекантропов; под конец он стал как-то злобно любоваться ими, и от этого вечный голод мучил его еще сильнее. Само по себе то, что он видел, не могло бы так повлиять на питекантропа, для этого нужно было еще усилить его способность к восприятию. За последние дни в жизни Смотрящего на Луну были пробелы; об этих периодах он ничего не мог бы вспомнить – именно тогда самые атомы его примитивного мозга перестраивались в новые структуры. Если он выживет, эти структуры будут увековечены – его гены передадут их грядущим поколениям.

Это была медленная, кропотливая работа, но кристаллический монолит был терпелив. Ни он, ни подобные ему монолиты, разбросанные по половине земного шара, не имели своей целью добиться успеха среди всех объектов, охваченных экспериментом. Какое значение могла иметь сотня неудач, если один-единственный успех способен изменить судьбу всей планеты!

До следующего новолуния в стае погибли двое и родился один детеныш. Одна смерть была обычной – от голода, другая случилась во время вечернего ритуала у монолита – один питекантроп, пытаясь тихонько стукнуть одним обломком камня о другой, внезапно упал замертво. Кристалл миг погас, и чары, приковывавшие к нему стаю, исчезли. Но упавший питекантроп не очнулся, а наутро от его тела, конечно, ничего не осталось.

На следующий вечер сборища вокруг кристалла не было – он все еще анализировал свою ошибку. Стая протрусила мимо него в надвигавшихся сумерках, даже не поглядев в его сторону. Но прошли еще сутки, и кристалл был вновь готов к встрече с ними.

Опять появилась четверка упитанных питекантропов, но на сей раз они вели себя странно. Смотрящего на Луну бросило в дрожь, и он не мог ее унять, ему казалось, что голова его вот-вот лопнет от напряжения, хотелось зажмуриться и ничего не видеть. Но неумолимая сила держала его мозг в своей власти и принудила воспринять урок до конца, хотя все его инстинкты восставали против этого.

Эти инстинкты верно послужили предкам питекантропа в эпоху теплых дождей и буйной растительности, когда пищу можно было найти везде – стоило только протянуть руку. Но времена изменились, и унаследованная мудрость прошлого стала безумием. Питекантропы

должны были либо приспособиться, либо погибнуть, как погибли до них огромные звери, чьи кости погребены в глубине известняковых холмов.

И Смотрящий на Луну не сводил с монолита немигающих глаз, а его мозг был открыт для еще неуверенных, но настойчивых манипуляций таинственной внешней силы. Временами его подташнивало, но тошнота проходила, а голод сосал, не отпуская ни на миг, и руки то и дело бессознательно проделывали движения, которые вскоре должны были предопределить его переход к новому образу жизни.

Когда стая бородавочников один за другим, фыркая и хрюкая, пересекала тропу питекантропов, Смотрящий на Луну внезапно застыл на месте. Обычно бородавочники и питекантропы не замечали друг друга, ведь интересы их ни в чем не сталкивались. Как и большинство других животных, не борющихся между собой за одну и ту же пищу, они просто не мешали друг другу.

Но теперь вожак стаи питекантропов глядел на бородавочников и неуверенно переминался с ноги на ногу, раздираемый чувствами, которых сам не мог понять. Потом, словно во сне, наклонился и начал шарить по земле – он не сумел бы объяснить, что ищет, даже если бы обладал даром речи. Он просто узнает, что ему нужно, если найдет.

Он нашел тяжелый заостренный камень длиной в ладонь – держать его в руке было не особенно удобно, но он явно годился. Смотрящий на Луну взмахнул рукой, описал ею круг над головой, удивившись, насколько она потяжелела, и с удовольствием ощутил возросшую силу и власть. Он направился к животному, которое оказалось ближе других.

Это был молодой поросенок, глупый даже по невысоким стандартам свиного разума, уголком глаза он увидел приближающегося питекантропа, но вовремя не поостерегся. Стоит ли подозревать это безобидное существо в каких-то недобрых намерениях? И он продолжал беззаботно подрывать пяточком корни травы, пока Смотрящий на Луну ударом каменного молота не погасил теплившуюся в его мозгу слабую искорку сознания. Остальные свиньи продолжали пастись как ни в чем не бывало – так быстро и беззвучно совершилось убийство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.